

З приєднанням до Карла XII гетьмана І. С. Мазепи утворилася ще одна фінансова структура, але, судячи зі свідчень як проросійських, так і прошведських свідків, гетьман зберіг повну фінансову самостійність. Очевидно, його військова скарбниця витрачалася винятково на потреби українських контингентів.

Точніші є дані для прикінцевого етапу кампанії 1708–1709 рр. Під час капітуляції до рук росіян потрапила сума менша еквівалента 0,5 млн крб. шведської та гетьманської скарбниць. Щоправда, низка авторів стверджує, що трофеї досягають 2,7 млн талерів, а дехто наводить цифру 0,7 млн.¹³ В останньому випадку, очевидно, не враховуються 2 млн талерів, захоплених одразу після Полтавської битви в канцелярії графа Піпера, що фактично очолював “польовий уряд” Карла XII.

Залишається нез’ясованим питання: чому ж такі немалі кошти не було переправлено з королем через Дніпро? На нашу думку, Карл XII не став цього робити через їх велику вагу. Не рахуючи тари, ці срібні монети важили від 13,5 до 15 тонн – приблизно таку ж вагу мали 8–9 польових гармат середнього калібру. Якщо певна кількість монет була б не срібною, а золотою, то й тоді б загальна маса становила близько 10 тонн. Ситуація під Переволочною не давала можливості витратити значний час (щонайменше три рейси через Дніпро найбільшого з човнів, який мали шведи) на цю операцію.

Висновки. Підсумовуючи викладене, автор дійшов таких висновків:

- шведський король Карл XII, незважаючи на молодий вік (25 років), ретельно готувався до найважливішої акції – походу на Москву й накопичив значні фінансові ресурси;
- головним способом зосередження грошових ресурсів залишався принцип “війна годує війну”, тому основні джерела формування військової скарбниці Карла XII становили контрибуції з Саксонії та меншою мірою з Речі Посполитої;
- на прикінцевому етапі воєнної кампанії 1709 р. суттєвим надходженням стали кошти військової скарбниці та особисто гетьмана І. Мазепи;
- на момент Полтавської битви приблизно 90 % фінансів шведської армії вже було витрачено.

УДК 94(47).07:336.2

ФИНАНСОВО-ПОДАТНАЯ ФУНКЦИЯ ВЫБОРНЫХ ПРАВЛЕНИЙ В КОЛОНИЯХ ИНОСТРАНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Т. В. Малиновская

(Научная библиотека Днепропетровского национального университета
имени Олеса Гончара, г. Днепропетровск)

Б. В. Малиновский

(Никопольский факультет Национального университета
“Одесская юридическая академия”, г. Никополь)

Розкрито зміст фінансово-податної функції органів обцинного управління (сільських та окружних наказів) у колоніях іноземців на території Російської імперії, з’ясовано пов’язані з виконанням цієї функції обов’язки виборних старшин.

Раскрыто содержание финансово-податной функции органов обцинного управления (сельских и окружных приказов) в колониях иностранцев на территории Российской империи, выяснены связанные с исполнением этой функции обязанности выборных старшин.

The subject matter of finance and tax function of community regulatory bodies (rural and district orders) in foreign communities in the Russian Empire territory was disclosed and were found the elected foremen’s duties connected with the discharge of this function.

© Т. В. Малиновская, Б. В. Малиновский, 2013

¹³ Енглунд П. Полтава. Розповідь про загибель однієї армії. – Харків : Фоліо, 2009. – С. 316.

Ключевые слова. Финансово-податная функция, шульц, форштегер, бейзицер, меннониты, повинности, поземельная подать, колония, колонисты, Контора опекунства, Российская империя.

Вступление. Общинные органы управления в Российской империи были необходимы государству в качестве “дополнительного и бесплатного звена к правительственному административно-полицейскому аппарату”¹. Государственная власть использовала выборные администрации в сёлах и городах для решения на уровне общин задач внутреннего управления, в том числе для исполнения финансово-податной функции. Деятельность выборных правлений в сёлах государственных, удельных и частновладельческих крестьян получила освещение в целом ряде научных работ². Гораздо меньше известно о функционировании таких органов в общинах иностранных колонистов (иностранных поселенцев) – особой сословной группы, существовавшей в Российской империи в 1763–1871 гг.³

“Состояние” колонистов было образовано из части иммигрантов (преимущественно выходцев из Германии и стран Балкано-Дунайского региона), переселившихся в Российскую империю после издания в 1762 г. колонизационного манифеста Екатерины II. Поселения колонистов (колонии) по территориальному признаку делились на несколько категорий (Саратовские, Новороссийские, Санкт-Петербургские и другие, всего к середине XIX в. тринадцать групп колоний). Жители одной колонии составляли общину, несколько расположенных поблизости колоний объединялись в округ. Почти все колонии создавались как земледельческие поселения, хотя существовало также несколько колоний ремесленников. Каждая община получила от государства участок земли, в его пределах колонистам предоставлялись наделы. Со времени основания колоний их жители (члены общин) избирали старост (шульцев, форштегеров) и их помощников (бейзицеров). С начала XIX в. действовали также выборные правления в округах – окружные приказы в составе окружного головы, или обер-шульца, и окружных бейзицеров. Сельские приказы (шульцы или форштегеры и сельские бейзицеры) подчинялись окружным приказам. Начальниками для выборных старшин являлись чиновники государственных учреждений, созданных специально для управления колониями. Система таких органов до их окончательного упразднения в 1870-х гг. неоднократно подвергалась реорганизации. Например, колониями Причерноморья с 1800 г. управляла Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев, а с 1818 г. – Попечительный комитет о колонистах Южного края России.

Постановка задачи. Деятельность выборных администраций в общинах (колониях) и округах регулировалась особыми инструкциями, изданными опекунскими учреждениями или верховной властью. Посвященное колонистам законодательство было систематизировано в томе XII Свода законов Российской империи. Сама эта деятельность отражена в служебных документах органов общинного управления и руководивших ими опекунских учреждений. Изучение нормативных и делопроизводственных материалов позволяет определить область компетенции колонистских выборных старшин, в частности, выяснить их обязанности в финансово-податной сфере, на что и направлено наше исследование.

¹ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: РГГУ, 2008. – С. 147.

² *Александров В. А.* Общинное управление в помещичьих имениях XVIII – начала XIX в. // Общество и государство феодальной России. – М.: Наука, 1975. – С. 104–113; *его же.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). – М.: Наука, 1976; Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. – М.: Наука, 2003; Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977; *Зайцев К. И.* Очерки истории самоуправления государственных крестьян. – СПб.: СПб. политехнический институт императора Петра Великого, 1912; *Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.). – М.: Изд-во МГУ, 2004; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметьевых). – Л.: Наука, 1981; *Хайрутдинов Р. Р.* Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX в.). – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2002 и др.

³ Обзор публикаций, в которых затронута эта тема: *Малиновська Т. В.* Організація та діяльність колоністських виборних адміністрацій в Російській імперії (1762–1804 рр.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.02 “Всесвітня історія”. – Дніпропетровськ, 2012. – С. 5–9.

Результаты исследования. Первое время после основания колоний их жители пользовались налоговым иммунитетом. Срок льготы не был для всех колоний одинаковым (хотя это предусматривалось манифестами 22 июля 1763 г. и 20 февраля 1804 г. об условиях колонизации) и варьировал в промежутке от 4 до 30 лет⁴. После окончания льготного периода колонисты должны были отбывать натуральные повинности (выполнять определённые работы) и платить несколько видов денежных сборов.

В отличие от других категорий податного населения, колонисты были освобождены от военной службы⁵, но на них распространялся ряд других повинностей: дорожная и мостовая (содержание закреплённых за колониями участков дорог, дамб, мостов и перевозов), квартирная (размещение на постой следовавших через колонии воинских частей в домах колонистов, предоставление квартир служащим опекунских учреждений), транспортная (“дача подвод” чиновникам и частным лицам в предусмотренных законом случаях). Кроме того, колонисты должны были обеспечить “провод” арестантов по территории колоний и “доставление” служебной корреспонденции опекунских органов. Наконец, к натуральным повинностям колонистов посвящённое им законодательство относило осуществление мер противопожарной безопасности и поддержание в колониях “внутреннего устройства, чистоты и опрятности”⁶. Некоторые колонии добились исключений. Так, от транспортной повинности были освобождены члены Братского Евангелического общества в Сарепте и Прибалтийских колониях, а также население Лифляндских, Карраса и первых, основанных в 1765–1767 гг., Санкт-Петербургских колоний⁷.

В обеспечении исполнения колонистами повинностей роль выборных старшин была основной – на них лежала организация проведения всех работ. Согласно инструкциям о внутренних распорядках в колониях и Своду законов в обязанности шульцев и окружных голов входили “наблюдение и ответственность по содержанию колонистами в исправности и порядке доставшихся им участков [дорог]”, “наряд подвод с колонистов во всех узаконенных случаях”, организация доставки служебных писем и пакетов⁸.

В нормативных документах подробно излагались правила, соблюдение которых колонистами под руководством старшин должно было предупредить возникновение пожаров или ускорить их тушение. Например, согласно Инструкции 1801 г. для новороссийских колонистов расположение строений в колониях должно было соответствовать определённому порядку. В больших селениях следовало назначить специальных караульщиков “в предохранение от пожарного случая и всякого воровства”. В центре колоний, не имевших церкви – повесить колокол или металлический предмет (“железную доску”), чтобы караульщики могли подать сигнал, по которому жители (“обоюго пола совершенного возраста”) должны были спешить к месту происшествия. Предписывалось в каждом дворе иметь бочку с водой, каждому хозяину и общине в целом обзавестись минимальным набором противопожарных средств – крючьями, вилами, бочками, выделить “для возки воды по очереди по две лошади, которые бы всегда в готовности стояли”. Десятские под контролем шульцев и байзицеров должны были ежемесячно проверять, очищены ли печные трубы в жилищах колонистов. От шульцев требовалось наблюдать за тем, чтобы все печи имели трубы и чтобы эти печи были устроены не в сенях, а в кухнях. Запрещалось ночью в помещениях и на улице держать открытый огонь (“с лучиной и с свечами без фонарей, так как и с закуреными трубками”)⁹.

⁴ Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в империи, 1857 г. // Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. – М.: МФД: Материк, 2006. – С. 444–445.

⁵ Манифест “О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах”, 22 июля 1763 г. // Немцы в истории России. – С. 25.

⁶ Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в империи, 1857 г. // Немцы в истории России. – С. 446–450.

⁷ Там же. – С. 449.

⁸ Там же. – С. 447–450.

⁹ Инструкция для внутреннего распорядка и управления Новороссийских иностранных колоний, 16 мая 1801 г. // Немцы в истории России. – С. 126, 127.

Также выборные старшины отвечали за соблюдение колонистами санитарных норм и заботились о благоустройстве колоний. Согласно законам о внутренних распорядках в колониях шульцы должны были добиваться, чтобы “всякий хозяин содержал свой дом, гумно, конюшни, хлевы и огорожи в надлежащей исправности, опрятности и чистоте, и в зимнее время занимался бы починкою оных”, не допускать “нечистоты” на улицах. Головам и шульцам надлежало “приучать” колонистов следовать строительным стандартам (“в каменных строениях”), принятых в тех странах, откуда они переселились в Россию¹⁰.

Натуральные повинности сочетались с денежными платежами. Колонисты выплачивали государству долги – возвращали часть средств, затраченных на обустройство первых поселенцев. Так, создание колоний в Поволжье стоило государству 5 199 813 руб. 23 коп. ассигнациями, из которых 3 989 616 руб. 23 коп. колонисты должны были вернуть¹¹. Шведская колония в Херсонской губернии по состоянию на 1800 г. задолжала казне 19 975 руб., но император Павел приказал взыскать только 3 051 руб., остаток долга колонистам простили¹². На обустройство меннонитов в Екатеринославской губернии было потрачено в 1789–1797 гг. 358 236 руб. 99 коп. ассигнациями, по состоянию на 1800 г. долг этих поселенцев казне равнялся 357 646 руб. 99 коп.¹³

Колонисты возвращали долги постепенно. Например, жителям Беловежской колонии в Черниговской губернии, задолженность которых перед казной в 1800 г. составляла 62 782 руб. 48,25 коп., было позволено 20 708 руб. 5,5 коп. совсем не выплачивать, а остальную сумму поделить на ежегодные взносы – по 20 руб. с семьи или с каждых 30 десятин земли¹⁴. Кроме долгов, они платили государству налоги – поземельную подать, сбор на содержание присутственных мест (с 1807 г.) и сбор на содержание путей сообщения (с 1816 г.). Также с населения большинства колоний взимались общие земские сборы (местные налоги в пределах губернии). Наконец, колонисты собирали деньги на содержание собственных выборных старшин, служащих опекунских учреждений, патеров и пасторов, шульмейстеров, в колониях Новороссии с 1803 г. – пастухов¹⁵.

Выборные старшины в колониях получали жалованье из средств своей общины с самого начала колонизации. Согласно временной инструкции 1769 г. о внутренних распорядках в колониях Поволжья, “награждение” форштегерам выплачивалось из общинной кассы (“из общей экономической суммы”). Размер жалованья инструкцией не устанавливался (очевидно, община должна была определить его сама). Если форштегер на протяжении года хорошо справлялся со своими обязанностями, его долг перед казной уменьшался на 30 руб.; если же под его руководством колонисты умножали свой достаток и при этом удерживались “в хорошем порядке с надлежащей суровостью”, то с разрешения опекунского органа было возможно выплатить этому служащему “сверх вышеописанного награждения прибавку”. Кроме того, колонисты были обязаны в пользу форштегера выполнять определённые сельскохозяйственные работы: засеять для него три десятины земли (его зерном), собрать с них урожай, доставить его форштегеру домой, а также накосить ему сена и предоставлять подводу в тех случаях, когда он отправлялся из колонии по делам общины. Бейзицер этих привилегий был лишён – его вознаграждение заключалось в уменьшении его казенного долга на 1 руб. за каждый месяц пребывания в должности¹⁶.

С начала XIX в. отработки членов общины в пользу старшин законодательно были отменены. Инструкции 1801–1803 гг. для Новороссийских, Саратовских и Санкт-Петербургских

¹⁰ Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в империи, 1857 г. – С. 476.

¹¹ История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. Статья 1. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1854. – Ч. 52. – Отд. 2. – С. 52, 53.

¹² Там же. – С. 77.

¹³ Там же. – С. 67, 77.

¹⁴ Там же. – С. 75.

¹⁵ Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в империи, 1857 г. – С. 450–457.

¹⁶ Инструкция, по которой все новопоселенные иностранцы поступать должны, с показанием, каковыя преступления зависят от главного правительства, то есть Канцелярии опекунства иностранных и ее конторы, и что оставляется внутреннему разбирательству их начальником // Варшавские университетские известия. – 1913. – № 9. – Приложение. – С. XI, XII.

колоний предусматривали для выборных служащих только один вид вознаграждения – плату деньгами из сумм, собранных колонистами¹⁷.

Выборные старшины в колониях отвечали за сбор, хранение и доставку в финансовые учреждения денег в уплату податей и долгов перед государством. Свод законов предусматривал такой порядок: “Каждая колония должна вносить причитающуюся с неё часть в окружающей приказ, а сей обязан уже от целого округа представлять следующие по положению деньги местному своему управлению”¹⁸.

На практике те деньги, которые шли на выплату жалования самим выборным старшинам, представителям духовенства и шультмейстерам, расходовались на месте – с разрешения опекунского руководства. Колонии, в которых священник проживал постоянно, выдавали ему деньги в счёт положенного жалования непосредственно, остальные находившиеся под его попечением общины сначала отправляли эти деньги чиновникам опекунского органа, которые затем вручали их священнику. Например, пастор Карл Биллер, живший в колонии Иозефсталь вблизи Екатеринослава, жалование за первую треть 1808 г. получил, как обычно, частями: 133 руб. 33 коп. ему должны были выдать иозефстальские колонисты, тогда как 50 руб., собранных для него Шведской колонией под Бериславом, её приказ доставил не ему, а отправил в Контору опекунства в Екатеринослав¹⁹.

Не имело смысла деньги, собранные для уплаты налогов и погашения долга, везти из отдалённых колоний в опекунское учреждение, чтобы оно затем доставило их в государственный финансовый орган. Проще и безопаснее было бы колонистам сдать эти деньги в ближайшее уездное казначейство, а опекунскому руководству отправить для отчёта квитанцию. Так, в апреле 1808 г. Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев в Екатеринославе получила рапорт от Беловежского окружного приказа “с представлением копии с квитанции, данной из борзненского повитового казначейства на внесенные тамошними за 1-ю сего года половину в число почитающегося казенного долга, поземельных и почтового збора всего 1282 ру[блей] 37 ко[пеек] денег”; в мае 1808 г. пришёл рапорт от правления расположенной в Черниговской губернии колонии Радичев “с представлением копии квитанции, выданной из Кролевецкого повитового казначейства на внесенные в оное тамошними [радичевскими] менонистами за 1-ю сего года половину подати всего 95 ру[блей] 30 ¼ ко[пеек]”; в августе 1808 г. такой же документ прислал Данцигский сельский приказ, сообщавший, что жители колонии Данциг в Херсонской губернии внесли в Елизаветградское уездное казначейство “в число позаимствованным ими от казны 200 ру[блей] деньги”²⁰.

Колонии имели общественные доходы. Например, у колонии Сейдеминухи в Херсонском уезде, судя по её приходно-расходной книге 1809 г., было несколько источников поступления денег в общественную кассу: передача в аренду пастбищ, пахотной земли, хозяйственных построек, сенокосов; выдача разрешений на вылов рыбы и вырубку лозняка; продажа продуктов, питейный откуп, штрафы. Общественные деньги использовались для выплаты жалования служащим, оплаты наёмного труда, строительных и ремонтных работ, приобретения канцелярских товаров, шли на благотворительность²¹.

Кассы общин находились в ведении колонистских выборных администраций. Так, о наполнении общинной кассы идёт речь в рапорте шультца Шведской колонии Гендрика Крестьянсона в Контору опекунства новороссийских поселенцев 1 июля 1801 г. В ответ на предписание Конторы шультц сообщал, что на протяжении июня 1801 г. в “общественную сумму” поступило 24 руб., о чём была сделана запись в специальной зашнурной книге

¹⁷ Инструкция для внутреннего распорядка и управления Новороссийских иностранных колоний, 16 мая 1801 г. // Немцы в истории России. – С. 119.

¹⁸ Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в империи, 1857 г. – С. 456.

¹⁹ Державний архів Дніпропетровської області (далі – ДАДО). – Ф. 134 Контора опікунства Новоросійських іноземних поселенців (1781–1818) та Катеринославська контора іноземних поселенців (1818–1857). – Оп. 1. – Спр. 187. – Арк. 119, 121.

²⁰ Там само. – Арк. 101, 115, 217.

²¹ Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876. Аннотированная опись дел 1799–1818. – Одесса : ОКФА; ТЭС, 1998. – Т. 1. – С. 60.

(“сколько и от кого именно получено”). Эти деньги ещё не расходовались и должным образом хранились (лежали “в сундуке без употребления”)²².

В марте того же года шульц колонии Данциг Иоганн Лессин, наоборот, жаловался Конторе опекунства на отсутствие в общине собственных финансов. Шульц докладывал, что у данцигских колонистов “никаких доходов нет, поелику шинка не имеется, и устроить оно не было позволения, рыбная ловля за мелкою речкою в их даче не может производиться, излишней степи для пастьбы постороннему скоту они не имеют”; колония сдаёт в аренду только небольшое пастбище, а полученные от арендатора деньги (13 руб.) тратит на выплату жалованья самому шульцу (10 руб.) и приобретение писчих принадлежностей²³.

Само создание общинной кассы в первое время после образования выборных администраций стало одним из их заданий. В частности, 25 февраля 1801 г. старшина Хортицкой колонии Иоганн Вибе отчитался перед Конторой опекунства об “учреждении общей кассы” в колониях Хортицкого округа²⁴.

Выборные старшины должны были контролировать расходование средств “общественной суммы”, согласовывать выплаты с опекунским руководством. Попытки колонистов самостоятельно распоряжаться общественными доходами следовало пресекать. Так, в начале 1801 г. хортицкий окружной голова Петр Сименс по поручению Конторы опекунства новороссийских поселенцев провёл в колонии Шенвизе расследование происшествия, связанного с присвоением колонистами общественных фондов. Деньги, заплаченные откупщиком питейной продажи, жители Шенвизе по предложению одного из них, колониста Мартина Винца, разделили между собой. Шенвизский шульц Иоганн Эверт подал об этом рапорт в Контору опекунства, которая приказала начальнику Эверта окружному голове Сименсу разобраться в обстоятельствах дела. Сименс во главе специально созданной для этого комиссии, состоявшей из него самого и двух подчинённых ему шульцев (старост колоний Эйнлаге и Хортица), прибыл в Шенвизе, имея задание “произвести на месте исследование, кто подал повод к ослушанию против приказа конторы, а виновного в том за присмотром прислать в контору, разделенные деньги, взыскав, хранить в колонии впредь до решения, а контракт, заключенный на откуп шинка, прислать в контору на рассмотрение”. Колонист Мартин Винц, отправленный в Контору опекунства, пояснил, “что он к ослушанию против повеления конторы не имел никакого намерения, а считая сии деньги принадлежащими к разделу колонистами для подкрепления хозяйства о разделе оных мысль свою [подал] без всякого умысла по простоте”. Оправдывая своих односельчан, шульц Эверт указывал на смягчающие обстоятельства: “Мартин Винц по старости лет заслуживает прощения, да при том после все хозяева своим разсуждением без откупщиков положили те полученные деньги разделить, поелику многие из хозяев от падежа в скоте, худого урожая несколько разстроены и хотели полученным деньгам, коих [...] каждому достанется 6 рублей, купить себе по корове, но при всем том полагали сами разделенные деньги, когда прикажут все взнести, непременно оное выполнить”²⁵.

В последующем колонисты Шенвизе расходовали общественные деньги с разрешения опекунского руководства. Например, осенью 1803 г. при посредничестве окружного головы Сименса они ходатайствовали перед Конторой опекунства о позволении отремонтировать на эти средства мельницу и мост²⁶.

Контора опекунства новороссийских поселенцев продолжала настаивать, чтобы подчинённые ей сельские и окружные приказы сообщали о том, на что тратятся деньги общин. Так, в ответ на предписание Конторы 8 августа 1801 г. “относительно употребленных [...] денег на бумагу и сургуч” Хортицкий сельский приказ рапортовал, что эти деньги “под расписку обер-шульца из общественной казны выданы, и впредь оный приказ будет о всех издержках таковой суммы конторе доносить”²⁷.

²² ДАДО. – Ф. 134 Контора опекунства Новоросійських іноземних поселенців (1781–1818) та Катеринославська контора іноземних поселенців (1818–1857). – Оп. 1. – Спр. 45. – Арк. 77.

²³ Там само. – Спр. 43. – Арк. 32.

²⁴ Там само. – Арк. 8.

²⁵ Там само. – Спр. 42. – Арк. 32, 37.

²⁶ Попечительный Комитет об иностранных поселенцах... – Т. 1. – С. 67.

²⁷ ДАДО. – Ф. 134 Контора опекунства Новоросійських іноземних поселенців (1781–1818) та Катеринославська контора іноземних поселенців (1818–1857). – Оп. 1. – Спр. 48. – Арк. 28.

Колонисты могли рассчитывать на получение кредита из средств общины, но для этого требовалось разрешение выборных старшин и опекунского органа. Например, в феврале 1808 г. Данцигский сельский приказ добился согласия Конторы опекунства новороссийских поселенцев на выдачу из “общественной суммы” 25 руб. колонисту Эрфриду Колю. Ссуду “для поправления хозяйства” Колю следовало вернуть через год²⁸.

При посредничестве выборных старшин общины или отдельные колонисты получали от государства кредиты и материальную помощь. В качестве примера можно привести ходатайство, поданное в декабре 1774 г. форштегером колонии Сосновка Георгом Мецом и форштегером колонии Голый Карамыш Филиппом Цигом в Саратовскую контору опекунства колонистов, относительно выплаты кормовых денег жителям этих колоний Иоганну Генриху Келлеру и Петеру Вентцелю. 17 декабря 1774 г. Саратовская контора рассмотрела вопрос о предоставлении колонисту селения Линевоe Озеро Якобу Заубриху по ходатайству форштегера этой колонии Матеуса Друшеля ссуды на приобретение сельскохозяйственного инвентаря. Заубрих, как сообщалось в рапорте форштегера, потерял всё своё имущество весной 1774 г. в результате пожара²⁹.

Посредничество старшин было необходимо общинам, чтобы получить возмещение за те или иные затраты. Например, 6 декабря 1774 г. Саратовская контора опекунства получила от окружного комиссара Вилгелми квитанцию, которую шульцу колонии Панинской Николаусу Шейтгену выдал есаул донских казаков Алексей Головин. Квитанция свидетельствовала, что казаки, проходя через колонию, “харчом и хлебом доволствовались от колонистов”, получили от них также сено для лошадей. Шульц, передавая документ, просил “по оной квитанции тем колонистам заплаты”³⁰.

Выборные старшины подавали опекунским органам на утверждение контракты, закреплявшие условия сделок между отдельными колонистами или колонистскими общинами и представителями других сословий. Сделки касались предоставления услуг колонистам или колонистами использования ресурсов колоний. К примеру, в конце июля и начале августа 1808 г. Данцигский сельский приказ прислал в Контору опекунства контракт, заключённый общиной с елизаветградским мещанином “о пастьбе им на колонистской земле скота по 1 октября”, а Беловежский окружной приказ сообщил “о договоре мастера для перестройки состоящего при деревне Калчиновке магазина за 12 ру[блей]”³¹.

Старшины помогали своим общинам добиться возмещения за ущерб, уладить связанные с этим конфликты. При деятельном участии своих форштегеров колонии Поволжья защищали себя от произвола военных³².

Под контролем сельских и окружных приказов проходил сбор пожертвований. Так было и весной 1807 г., когда жители новороссийских поселений собирали деньги на создание ополчения. В мае 1807 г. окружной приказ колоний Беловежского округа в Черниговской губернии отправил в Контору опекунства новороссийских поселенцев “ведомость о колонистах, тех, кои от усердия к любви отечества на составляемую ныне милицию или земское войско пожелали в приношение деньгами”³³.

Выводы. Таким образом, финансово-податная функция выборных администраций в колониях иностранцев заключалась в осуществлении мер по обеспечению исполнения колонистами повинностей и финансовых обязательств перед государством. Роль выборных старшин в этой сфере была очень важной – именно они должны были организовать проведение необходимых работ, отвечали за сбор, учёт, хранение и доставку в государственные учреждения денег, предназначенных для уплаты налогов и возвращения ссуд. Кроме расчетов с государством, колонистские старшины контролировали расходование средств из общинной кассы.

²⁸ Там само. – Спр. 187. – Арк. 45 зв.

²⁹ Журнал заседаний общего присутствия Саратовской Конторы опекунства иностранных. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1996. – Т. 1: 1774 год. – С. 138, 139, 151.

³⁰ Там же. – С. 124.

³¹ ДАДО. – Ф. 134. – Оп. 1. – Спр. 187. – Арк. 190, 220 зв.

³² Плеваков И. Н. Иностранцы колонисты в Поволжье и военный постой (последняя четверть XVIII – начало XIX в.) // Этнические немцы России: исторический феномен “народа в пути” : материалы XII международной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. – М. : МСНК-пресс, 2009. – С. 168–179.

³³ Державний архів Одеської області. – Ф. 6 Піклувальний комітет про іноземних поселенців Південного краю Росії (1799–1876 рр.). – Оп. 1. – Спр. 312. – Арк. 18.